

Эти революция. 1917 г.
Войска у Госуд. думы.

Войска у Государственной думы. 1917

Очередь за хлебом.
Петроград. 1917

Отъ Симбирскаго Уполномоченнаго Предсѣдателя Особаго Совѣщанія по продовольственному дѣлу.

На основаніи телеграфнаго распоряженія Управляющаго Министерствомъ Земледѣлія, отъ 6 января 1917 г. № 31461, и согласно заявленію Губернскаго Совѣщанія утверждаю

Твердыя цѣны

1. На ржаную муку съ 1 января до урожая 1917., съ доставкою на пристани и желѣзнодорожными ставками:	2 р. 10
1) простого размола (обойная) вырѣзную за пудъ безъ мѣшка	2 р. 35
2) тоже сухую (13 1/4% влажности)	2 р. 55
3) отсѣвную вырѣзную за пудъ безъ мѣшка	2 р. 90
4) тоже сухую (13 1/4% влажности)	— 90
5) отрубѣ за пудъ безъ мѣшка	— 90
II. На отсѣвную муку изъ привознаго Самарскаго зерна по акту федеральнаго вараду, съ 1 января 1917 г. впрямъ до наивысшаго:	
1 сорта за 5-ти цуловый мѣшокъ, (съ мѣшкомъ)	— 90

Симбирские губернские ведомости. 1917

лия А.А. Риттихом, чтобы «взять в свои руки это дело, в руки губернаторов», но ему этого не дали. Вместо свободы торговли 29 ноября была введена принудительная развёрстка хлебных поставок по губерниям и уездам. Государственная дума защищала свою систему снабжения продуктами первой необходимости, отстаивала общественных уполномоченных и не допускала губернаторов к этому делу.

Экономические трудности усугублялись политической нестабильностью. «Общественность захватила власть и делает то, что надлежит делать правительству», — отметил Протопопов и наложил запрет на проведение съездов общественных организаций и публичных собраний.

«Слава Богу, митинги в Москве прекращены, — писала 10 декабря императрица Николаю II в Ставку. — Ты видишь, Калинин (прозвище Протопопова. — Ред.) работает хорошо, твёрдо и не флиртует с Думой, а только думает о нас».

Упомянутый запрет вызвал возмущение в Думе и немедленный запрос в Министерство внутренних дел. В ответ последовало временное прекращение думской деятельности с 16 декабря. Эта дата больше известна в связи с убийством небезызвестного Г.Е. Распутина. Газета «Симбирянин» опубликовала короткую телеграмму, распространённую Петроградским телеграфным агентством: «Утром около Петропавловского моста найден прибывшим к берегу труп Григория Распутина. Следствие производится судебными властями». Кончина старца поставила крест на политической карьере премьер-министра Трепова, который 27 декабря был уволен.

1 декабря на заседании Симбирской городской думы в очередной раз говорили о недостатке муки, сахара и дров. Запасы муки у торговцев, которые закупали её на деньги продовольственной управы, оказались на исходе. Городу требовалось два вагона муки в день, но она не поступала вообще. Основные закупки муки ранее делались в Уфимской и Самарской губерниях, но там в ноябре — декабре предпочитали продавать хлеб местным спекулянтам и заготовителям крупных промышленных центров. Новый симбирский губернатор М.А. Черкасский через министра внутренних дел добился разрешения на вывоз 30 вагонов с пшеничной мукой из Мелекесса, но вагоны прибывали в Симбирск в течение месяца.

В новом 1917 году правительство возглавил князь Н.Д. Голицын, никогда не занимавший даже поста министра и придерживавшийся относительно умеренных взглядов. Он отложил открытие занятий Думы на месяц — до 14 февраля, рассчитывая, что за время полуторамесячного перерыва депутаты успокоятся. Но Совет министров работал из рук вон плохо, продовольственные пайки становились всё более лёгкими, роптала армия, и, несмотря на войну, нарастала волна забастовок. Страну наполняли самые разные слухи о «недостойном поведении» министра внутренних дел Протопопова.

6 января карсунский уездный исправник Ипатов в рапорте губернатору Черкасскому о принимаемых мерах с целью недопущения беспорядков в имении и на фабрике при с. Румянцеве писал: «А.Д. Протопопов, как верный слуга престолу и отечеству, в переживаемое тяжёлое время проводит для блага родины повеления государя и тем, конечно, в левой партии имеет недовольных людей, а угодная этой партии ползучая печать травит и озлобляет народную массу против нашего глубокочтимого бывшего карсунского предводителя дворянства, а ныне министра внутренних дел... Боясь мести со стороны необузданной народной массы, в стадном положении готовой на всякое зло, я опасаюсь за владения А.Д. Протопопова и за спокойствие на фабрике и в имении его...».

Предполагаемая месть неожиданно проявилась со стороны некоторых представителей местного дворянского общества. Три дня подряд — с 21 по 23 января — симбирское дворянство обсуждало на своих собраниях вопрос о деятельности Протопопова и высказывало различные, иногда совершенно полярные оценки его как дворянина и как министра. Так, С.П. Дурасов заявил, что даже у Штюрмера хватило самолюбия уйти, когда его обвиняли в измене, а Протопопов «сидит и молча переносит все оскорбления, не принимая никаких мер к защите своей чести». Л.И. Афанасьев же посчитал, что нападают на Протопопова люди, имеющие что-либо против него или из зависти. Затребованные от него письменные объяснения Александр Дмитриевич дать не успел.

Наступил февраль, на возобновившихся заседаниях Думы Керенский бросил вызов не только правительству, но и императору. «Это не министры, а мимолётные призраки, — кричал он с думской трибуны. — Чтобы предотвра-

тит катастрофу, царь сам должен быть устранён даже террористическим способом, если нет других. Если вы не слушаете голоса, предостерегающего вас, то окажитесь лицом к лицу с фактами, а не с предупреждениями. Обратите взоры на далёкие вспышки – это молнии в небе России». Подстрекательство к убийству царя было изменой, и Протопопов начал преследование Керенского, чтобы лишить его депутатской неприкосновенности для предания суду. Однако Родзянко в личной беседе сказал Керенскому: «Будьте покойны, мы никогда не отдадим им Вас».

Правое крыло Думы спокойно взирало на словесную риторику левых депутатов и прозевало начало широких народных антиправительственных выступлений. Поводом для них стали перебои с хлебом, начавшиеся в столице. «23 февраля с утра, во время молебна, мне сказали, что забастовали рабочие на многих заводах, большими толпами ходят по улицам, и что командующий войсками по докладу градоначальника распорядился вызвать казаков, – записал в дневнике Протопопов. – На мой вопрос по телефону Балк (петроградский градоначальник. – Ред.) мне сообщил, что всё дело в том, что к газетным уткам, будто в городе нет муки, сегодня выпечка опоздала, не успели будто вовремя выдать муку пекарям; народ ринулся расхватывать хлеб на сухари и запас, и многим совсем хлеба не хватило. Это вызвало громадное волнение и забастовку, – спонтанно без сговора и подготовки <...> Я не ожидал забастовки и равно не был в курсе решений командующего округом на счёт прекращения таковой и уличных беспорядков. Я знал, что план предупреждения беспорядков существовал. Он был выработан заранее у градоначальника в заседании под председательством командующего округом <...> Градоначальник и вся полиция посему подчинена ему, и я совершенно не касался утверждённых им предположений...».

Протопопов попросил командующего войсками Петроградского военного округа С.С. Хабалова, в административном ведении которого находилась столица, объявить населению, что «хлеба хватит», а «волнения вызваны провокацией». Министр внутренних дел телеграфировал в Ставку Николаю II, что «для прекращения беспорядков принимаются меры». Однако на следующий день, вопреки прогнозам, число демонстрантов удвоилось, мирные митинги уступили место вооружённым столкновениям с полицией.

В ночь на 26 февраля были арестованы около 100 членов революционных организаций, а утром власть в последний раз сумела проявить решительность: войскам и полиции был дан приказ стрелять в манифестантов. Распоряжения давал военный министр Беляев, так как генерал Хабалов растерялся. Толпы народа заполнили улицы и площади с беспорядочной стрельбой, пением революционных песен и разгромом лавок с вином и оружием. Войска вместе с толпой сопротивлялись жандармам и полиции, был разбит арсенал, подожжено охранное отделение и уничтожены дела политических, нарушена телефонная связь. Наконец, военные и гражданские власти сообщили в Ставку о своей неспособности подавить «бунт» и запросили помощи с фронта. Николай II распорядился отправить в Петроград гвардейские части, а сам выехал в Царское Село к семье. Но революционные войска перерезали царскому поезду путь и вынудили повернуть в Псков, где находился штаб Северного фронта.

Утром 27 февраля Родзянко получил Высочайший указ о роспуске Государственной думы. Попытка Керенского собрать народных избранников в зал заседаний Таврического дворца не увенчалась успехом, они боялись нарушить царский указ. В 12 часов в Думе собрался Совет старейшин, который призвал депутатов не разъезжаться из Петрограда. Одновременно были разосланы телеграммы командующим фронтами с уведомлением о происходящем и призывом «отстаивать необходимость смены настоящего правительства». К этому времени в Таврический дворец стали проникать посторонние – солдаты, рабочие, студенты. Вскоре восставшие окружили дворец, сняв его охрану. Это заставило депутатов образовать Временный комитет членов Государственной думы во главе с Родзянко «для водворения порядка в столице и для сношения с лицами и учреждениями» из двенадцати членов, в числе которых был и Керенский.

Около часу дня члены Совета министров собрались в Мариинском дворце, который лучше охранялся. Премьер-министр Голицын предложил Протопопову подать в отставку, ибо его имя «раздражает толпу <...> вследствие травли газет и отношения к вам Государственной думы». Александр Дмитриевич попросил считать его в отставке, так как правительство в экстренных случаях может принимать и экстренные меры, поэтому его «уход правомерен».

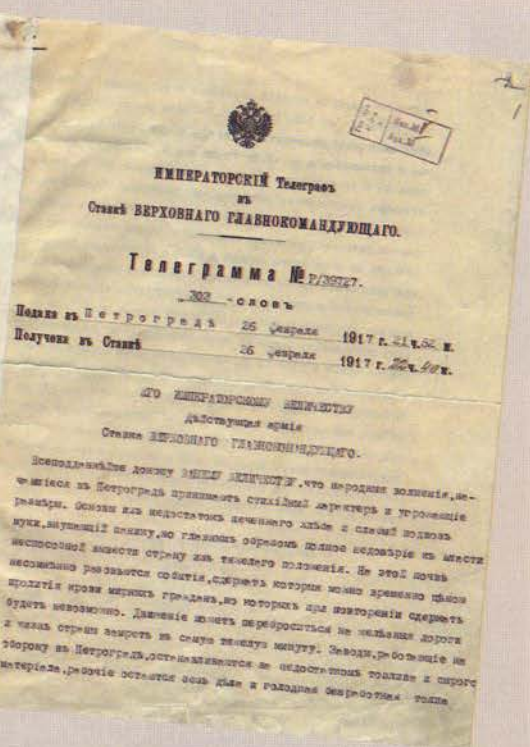
В ночь на 28 февраля (13 марта) Временный комитет объявил, что берёт власть в свои руки

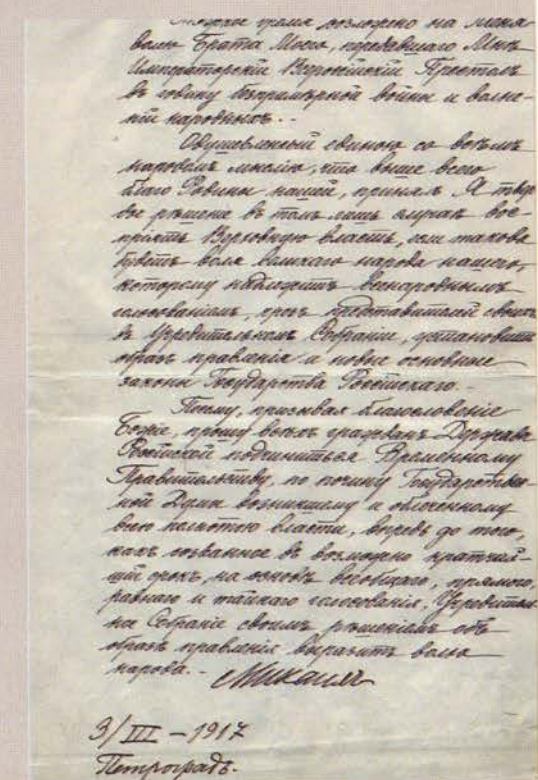
Демонстрация рабочих Путиловского завода в первый день Февральской революции

Дни революции. Невский проспект

Телеграмма председателя Государственной думы М.В. Родзянко императору Николаю II о начавшихся в Петрограде беспорядках. 26 февраля 1917 года

Отказ Михаила Александровича от принятия престола. 3 марта 1917 года

Покинув зал заседаний, Протопопов собирался отправиться к себе в квартиру на Фонтанке. Однако ему передали записку, что «весь дом разбит, разгромлены все ваши вещи, ваша жена — у смотрителя на квартире». Позднее П.И. Савельев, камердинер бывшего министра, на допросе показал: «27 февраля, в первый день революции, Протопопов со мною ушёл из Марининского дворца из заседания Совета министров, причём сказал мне, что сложил с себя полномочия. С 27 на 28 февраля мы ночевали в «контрольном доме» на Екатерининском канале, № 76 или 72. На другой день мы вышли на улицу и не знали, куда нам деться. Не желая подвергать меня опасности, Протопопов отпустил меня. Он говорил мне, что его заботит, куда деть находящийся при нём ключ от письменного стола, в котором были ключи от несгораемого шкафа, где был военный шифр. Я предлагал передать этот ключ Родзянке, но он оставил его у себя. Больше я его не видел».

Правительство ещё надеялось на отозванные с фронта гвардейские кавалерийские части, но кавалерия так и не прибыла в бушующую столицу, и 27 февраля Совет министров подал в отставку. Протопопову пришлось скрываться у знакомого мастера, поскольку даже его старший брат Сергей Дмитриевич отказался приютить его в своей квартире, опасаясь обысков.

«В листке я прочёл, что Дума образовала Исполнительный Комитет и вызывает бывших членов правительства и что меня никак не найдут, — вспоминал Протопопов. — Подумав, я решил сам пойти в Думу. Неужели же я грешнее всех? <...> У Думы — гряда войск, пушек, народу. Всё заполнено толпой. Я спросил какого-то студента провести меня в Исполнительный Комитет. Узнав, кто я, он вцепился в мою руку: «Этого не надо, я не убегу, раз сам сюда пришёл», — сказал я; он оставил меня. Стали звать А.Ф. Керенского. Он пришёл — и, сказав строго, что его одного надо слушать, ибо кругом кричали солдаты, штатские и офицеры, повёл меня в павильон министров, где я оказался под арестом. Я был болен и измучен, и, надо сказать, я тронут за сердце и никогда не забуду его ласку при этой первой тяжёлой нашей встрече <...> Ночь я провёл на диване, укрывшись пальто...».

На следующий день Протопопова и других арестованных министров под охраной на автомобилях перевезли в Петропавловскую крепость и разме-

стили в камерах Трубецкого бастиона. Им было разрешено иметь собственное бельё, постельные принадлежности, табак и книги, а также получать за свой счёт стол из крепостного офицерского собрания. А три дня спустя всех содержащихся в камерах вывели в коридор, и прибывший Керенский торжественно объявил им об отречении Николая II от престола, о передаче им верховной власти великому князю Михаилу Александровичу, а за отказом последнего — Временному правительству, где он занял пост министра юстиции.

А.Ф. Керенский — министр-председатель Временного правительства. 1917

Временное правительство возглавил князь Г.Е. Львов, член партии кадетов. Телеграммой от 2 марта все губернаторы и вице-губернаторы отстранялись от должности, а их обязанности возлагались на председателей губернских земских управ, которые объявлялись губернскими комиссарами Временного правительства. «Симбирские губернские ведомости» известили население, что «г.и.д. Симбирского Губернатора князь Михаил Алексеевич Черкасский, на основании телеграммы Председателя Совета Министров, Министра Внутренних Дел князя Львова <...> сдал 6 марта управление губерниию заступающему место Председателя Симбирской Губернской Земской Управы Фёдору Александровичу Головинскому». В Симбирске и губернии Головинский был известен как владелец нескольких винокуренных заводов. Теперь его рас-

поражения выполняли все без исключения губернские, уездные и городские учреждения, которые выразили доверие и поддержку Временному правительству.

Если в Симбирске смена власти прошла без кровавых эксцессов, то в Карсуне был избит и отправлен в тюремный застенек председатель уездной земской управы, предводитель уездного дворянства С.А. Филимонович, а командир запасного полка Столяров, пытавшийся помешать штурму полицейского управления, был убит толпой восставших горожан и солдат. В Карсун пришла телеграмма от губернского комиссара Головинского с указанием «в случае невозможности назначения Уездного Комиссара из состава Земской управы спешно созвать сословное собрание представителей уезда из Земских гласных, представителей от города, волостей и организаций при обязательном участии представителей гарнизона». Всесословным уездным съездом в составе 185 представителей был избран уездным комиссаром преподаватель Карсунского реального училища, эсер В.Ф. Дружичкий.

В Декларации Временного правительства провозглашалась полная амнистия по политическим и религиозным делам, свобода слова, печати и собраний, отмена всех сословных и национальных ограничений, замена полиции народной милицией, демократизация местного самоуправления, равноправие солдат. Новые правители России поспешили успокоить союзников по Антанте, что военные действия против Германии, Австро-Венгрии и Турции будут продолжены. Все ведущие партии, за исключением большевиков, обещали новому правительству свою поддержку.

4 марта при министерстве юстиции была учреждена «Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главнo-управляющих и других высших должностных лиц». Работа следственной комиссии в основном заключалась в допросах бывших царских министров и чиновников, генералов и придворных лиц. Члены комиссии интересовались связями царского двора с Германией, ролью Распутина, деятельностью департамента полиции и другими вопросами, которые компрометировали царя и его окружение. В допросах арестованных нередко участвовал и сам министр юстиции Керенский.

Так, 13 марта Александр Фёдорович спрашивал Протопопова, давал ли тот деньги из секретного фонда члену Думы Маркову, одному из руководителей Союза русского народа, и ещё кому. Следственная комиссия признала необоснованность предъявлявшихся Александру Дмитриевичу обвинений в подготовке сепаратного мира, в вооружении полиции пулемётами накануне революции и т. д. Однако, несмотря на это, он не был освобождён. Тогда при содействии товарища председателя Комитета помощи политическим заключённым М.А. Рысс, обеспечившей подготовку фиктивных документов о душевной болезни Протопопова, его перевели в лечебницу для нервнoбольных.

В.И. Ленин.
Цюрих, Швейцария. 1916

Переживавший войну в нейтральной Швейцарии В.И. Ульянов (Ленин), узнав об отречении Николая II и приходе к власти Временного правительства, обратился к идее перехода буржуазно-демократического этапа революции к социалистическому, который должны возглавить большевики. После возвращения в Россию 3 апреля 1917 года через Германию с разрешения её правительства в специальном вагоне вместе с другими политическими эмигрантами наш земляк выдвинул лозунг «Вся власть Советам!» и обещал «превратить империалистическую войну в гражданскую». Как мы знаем, это ему вполне удалось...

Юрий Козлов

1917 г.
Дни революции.
Баррикады на Литейном проспекте

Баррикады на Литейном проспекте

В.И. Ленин выступает
в Таврическом дворце. 1917 г.,
не ранее 4 (17) - не позднее
17 (30) апреля. Петроград

Заседание Совета рабочих
и солдатских депутатов в
Таврическом дворце.
Март 1917 года